Дом на Краю Зимы

Карина Дель

18+

Карина Дель

Дом на краю зимы

«Автор»
2026

Дель К.

Дом на краю зимы / К. Дель — «Автор», 2026

Три года назад Вера и Андрей развелись — тихо, без скандалов, будто просто закрыли дверь. Он строит мосты, она рисует картинки для детских книг. У каждого своя жизнь и своя тишина.Оба решают встретить Новый год там, где когда-то были счастливы: в деревянном домике на берегу Онежского озера. И оба по ошибке бронируют его на одни и те же даты.Метель отрезала дорогу. Хозяйка не отвечает. Впереди десять дней под одной крышей с человеком, которого ты пыталась забыть. И с вопросом, который так и не задала.

© Дель К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Гла 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Карина Дель
Дом на краю зимы

Глава 1

Навигатор сдался за двенадцать километров до деревни. Сначала он перестал говорить, потом стрелка на экране задумчиво закружилась на месте, а потом пропала и сеть.

Вера выключила телефон и дальше ехала по памяти.

Память, как ни странно, не подвела. Поворот у покосившейся автобусной остановки. Мостик через ручей, который летом пах тиной, а зимой просто исчезал под снегом. Две старые ели, сросшиеся стволами. Андрей тогда сказал: «Смотри, как мы». Она засмеялась, а он сфотографировал её на фоне этих елей — в красной шапке, с покрасневшим носом, счастливую до неприличия.

Пять лет назад. Целая жизнь.

— Не думай, — сказала Вера вслух. — Ты сюда не за этим.

А зачем? Подруга Лиза спрашивала её об этом дважды. Первый раз — осторожно, второй — уже с раздражением:

— Вер, ну это же мазохизм. Ехать в тот самый домик, где у вас был медовый месяц?

— Это просто красивое место. Тихое. Мне нужно дорисовать книгу, а в Москве я не могу сосредоточиться.

— Ага. Конечно.

Лиза не поверила. Вера, если честно, сама себе не очень верила. Но три года — достаточный срок, чтобы перестать бояться мест. Так ей казалось.

Домик стоял там же, где и раньше: на пригорке, спиной к лесу, лицом к озеру. Тёмный сруб, резные наличники, крыша в шапке снега, как в мультфильме. Из трубы шёл дым.

Вера нахмурилась. Хозяйка, Галина Петровна, писала, что оставит ключ под крыльцом и протопит печь накануне. Но дым — живой, густой — говорил о том, что печь топят прямо сейчас.

«Может, сама решила встретить», — подумала Вера и вышла из машины.

Мороз схватил за щёки. Тишина стояла такая, что было слышно, как поскрипывает снег под подошвами. Где-то далеко, за озером, лаяла собака.

На крыльце, аккуратно обметённом, стояли ботинки. Мужские, большие, тяжёлые, с рыжими шнурками.

Вера остановилась.

Рыжие шнурки. Она сама их когда-то купила — в шутку, потому что он вечно жаловался, что не может найти свои ботинки в общей куче в прихожей у друзей. «Теперь найдёшь», — сказала она. Он носил их и потом, когда шутить уже было не о чем.

«Совпадение, — сказала она себе. — Мало ли мужчин с рыжими шнурками».

Дверь открылась раньше, чем она успела постучать.

Он стоял на пороге в старом сером свитере, с полотенцем на плече. Видимо, только что умывался — на висках блестела вода. Чуть шире в плечах, чем она помнила. Чуть больше седины, которой в тридцать три вроде бы ещё рано. Та же складка между бровями. Те же глаза — серые, внимательные, сейчас совершенно растерянные.

— Вера?

Она не ответила. В голове было пусто и звонко, как в пустом ведре.

— Ты… — он оглянулся в дом, будто там мог найтись ответ. — Ты что здесь делаешь?

— Я? — голос наконец вернулся, и в нём зазвенело что-то совсем не то, что она планировала. — Это ты что здесь делаешь, Андрей?

— Я снял этот дом. На праздники.

— Я тоже сняла этот дом. На праздники.

Они смотрели друг на друга через порог. Из дома тянуло теплом, смолой и — Вера почувствовала это сразу — его одеколоном. Тем же самым. За три года он не сменил даже запах.

— Подожди, — Андрей потёр лоб. — Тут какая-то ошибка.

— Очевидно.

— Заходи. Холодно же.

— Я не собираюсь заходить.

— Вера, минус двадцать два. Ты в одних кроссовках.

Она посмотрела вниз. Действительно, кроссовки. Зимние ботинки остались в багажнике — она собиралась переобуться, когда занесёт вещи.

Ноги уже начали неметь.

— На пять минут, — сказала она. — Пока не разберёмся.

Он молча посторонился.

Внутри всё было как тогда. Вера даже зажмурилась на секунду — так больно кольнуло. Широкая белёная печь. Лоскутные половики. Стол у окна, покрытый клеёнкой в синий цветочек. Медный самовар, которым никто никогда не пользовался. Лестница на второй этаж, в спальню под скатом крыши — с окошком, из которого видно озеро.

Там они проснулись первого января пять лет назад. Она рисовала пальцем на его спине снежинки, а он делал вид, что спит, и улыбался в подушку.

— Чай будешь? — спросил Андрей.

— Нет.

— Я всё равно поставлю.

Он отвернулся к плите, и она увидела, как напряжены его плечи под свитером. Ему тоже было непросто. Почему-то это её разозлило ещё больше.

Вера достала телефон. Ни одной палочки.

— Здесь вообще есть связь?

— На втором этаже, у окна. Иногда. Если встать на табуретку и не дышать.

Она не улыбнулась. Хотя раньше улыбнулась бы.

За окном тем временем стало темнеть — быстро, по-северному, будто кто-то задёрнул занавеску. И пошёл снег. Сначала редкий, ленивый, а потом — плотный, косой, злой.

Андрей посмотрел в окно и нахмурился.

— Обещали метель только к ночи.

— Значит, мне надо ехать прямо сейчас.

— Куда?

— В Петрозаводск. В гостиницу. Куда угодно.

Она уже взялась за дверную ручку, когда он сказал — тихо, без всякого нажима:

— Вер. Ты на этой дороге застрянешь через два километра.

Она обернулась. И в этот момент где-то над крышей завыл ветер — протяжно, по-волчьи, — и свет в доме мигнул и погас.

Глава 2

Темнота была не полной: в печи тлели угли, и по стенам ходили рыжие тени.

— Не двигайся, — сказал Андрей. — Там ведро с водой слева от тебя.

— Я помню, где ведро.

Она сказала это и тут же пожалела. Помнить такие вещи было унизительно.

Андрей на ощупь нашёл на полке керосиновую лампу, чиркнул спичкой. Стекло задрожало жёлтым светом, и комната сразу стала меньше и уютнее. Слишком уютнее.

— Так уже было, — сказал он, ставя лампу на стол. — Позавчера. Галина Петровна говорит, тут провода рвёт каждую серьёзную метель.

— Позавчера? Ты здесь с позавчера?

— С двадцать седьмого. А ты на какие числа бронировала?

— С двадцать девятого по восьмое.

— Я — по десятое.

Они помолчали. Арифметика была беспощадной.

Вера поднялась на второй этаж, к окну. Табуретка действительно стояла там — видимо, Андрей не шутил. Она забралась на неё, подняла телефон к самому потолку, и он сжалился: вытряхнул из себя сразу три сообщения.

Первое — от мамы: «Доехала? Напиши».

Второе — от Лизы: «Ну как, призраки прошлого не беспокоят?»

Вера нервно хмыкнула.

Третье было от Галины Петровны. Длинное, без запятых, с двумя смайликами-цветочками в конце:

«Верочка добрый день меня сын забрал в Петрозаводск в больницу давление не волнуйтесь ничего страшного ключ под крыльцом как договаривались дрова в сарае надеюсь вы поладите с Андрюшей с Наступающим».

Вера перечитала ещё раз.

Надеюсь, вы поладите с Андрюшей.

Она спустилась вниз, держа телефон перед собой, как улику.

— Она знала.

Андрей прочёл. На его лице мелькнуло что-то вроде улыбки, но тут же пропало.

— По-моему, она просто думает, что мы до сих пор вместе. Ей восемьдесят два, Вер. Она записывает брони в тетрадку в клеточку. Позвонил Андрей Северцев, позвонила Вера Северцева…

— Я давно не Северцева.

Сказала — и увидела, как дёрнулась у него челюсть.

— Знаю, — ответил он. — Миронова. Я помню.

Она села на лавку у печи — не потому, что хотела сесть, а потому, что вдруг страшно устала. Девять часов за рулём. Зимняя трасса, фуры, кофе из автомата на заправке. И в конце всего этого — он.

Андрей поставил перед ней кружку. Большую, глиняную, с отбитым краешком. Чай был с чабрецом, сладкий — две ложки, не больше и не меньше. Она поняла это с первого глотка и чуть не заплакала от злости.

— Я же сказала, что не буду.

— Можешь не пить. Просто руки грей.

За окном выло. Снег бил в стекло так, будто кто-то снаружи горстями бросал крупу.

Андрей надел куртку, взял фонарик и вышел. Вернулся минут через десять с её чемодом в одной руке и папкой с рисунками — в другой. На бровях и ресницах у него налип снег.

— Я тебя не просила.

— Машину замело по зеркала. Завтра откопаем. А папку ты бы не простила ни себе, ни мне, если бы она замёрзла.

Он был прав. Там были оригиналы — акварель для книжки про снегиря, который искал дорогу домой. Издательство ждало их к двадцатому января.

— Спасибо, — выдавила она.

— Спальня наверху твоя. Я посплю тут, на диване.

— Ты не поместишься на этом диване.

— Помещался же как-то.

Она вспыхнула до корней волос. Помещался. Вместе с ней. В ту ночь, когда они так и не дошли до лестницы.

Андрей, кажется, тоже сообразил, что сказал. Он кашлянул и отвернулся к печи подкинуть дров.

— Одна ночь, — сказала Вера ему в спину. — Завтра я уезжаю.

— Как скажешь.

Она поднялась наверх с лампой, села на край кровати — той самой, с чугунными завитушками — и долго слушала, как внизу потрескивают дрова и скрипит под ним старый диван.

Утром оказалось, что уехать нельзя. Ни завтра, ни послезавтра.

Глава 3

Снег лежал по подоконник. Машина Веры превратилась в белый холм с едва заметной антенной. Озеро и небо слились в одно молочное ничто, и только чёрная зубчатая полоса леса на дальнем берегу напоминала, что мир ещё существует.

Около десяти со стороны деревни затарахтел снегоход. На нём сидел сухонький старик в тулупе и ушанке, с бородой, белой от инея.

— Живые? — крикнул он, заглушив мотор. — Галина велела проведать. Семён Яковлевич я, сосед её.

Новости Семён Яковлевич привёз невесёлые и излагал их с нескрываемым удовольствием. На дорогу у ручья упали две сосны. Грейдер в районе один, и он сейчас чистит трассу. Сюда доберётся не раньше третьего, а то и пятого. Свет обещают к вечеру, «но вы на них не надейтесь».

— А на снегоходе? — с надеждой спросила Вера. — Вы меня не довезёте до трассы?

Дед оглядел её чемодан на колёсиках, папку, кроссовки — и покачал головой.

— До трассы довезу. А дальше чего? Автобус до второго не пойдёт, попутки никакой. Будешь на обочине стоять, пока в сосульку не превратишься. И машину тут бросишь?

— У нас просто… недоразумение.

— Так вы же муж и жена, — удивился Семён Яковлевич. — Галина сказала — Северцевы. Какое такое недоразумение у мужа с женой? Помиритесь — и все дела.

Андрей вовремя закашлялся, пряча улыбку.

Дед оставил им мешок картошки, три банки тушёнки, свечи и бутылку тёмной жидкости без этикетки.

— Морошковая, Галинина, — пояснил он. — Она сказала — на праздник. Для тепла душевного.

И укатил, оставив после себя сизый дым и оглушительную тишину.

Вера стояла на крыльце, обхватив себя руками. Десять дней. Может, чуть меньше, если повезёт. В одном доме с человеком, от которого она три года старательно лечилась.

— Нам нужны правила, — сказала она, вернувшись в дом.

Андрей поднял бровь.

— Как в общежитии?

— Как в цивилизованном обществе.

Она вырвала лист из скетчбука и села за стол. Андрей сел напротив, сложив руки на груди, с таким видом, будто пришёл на переговоры с подрядчиком. Она знала этот вид. Инженер-мостостроитель Андрей Северцев оценивает нагрузку на конструкцию.

Первое. Второй этаж — мой. Первый — твой. Кухня общая.

Второе.Готовим по очереди.

Третье.Не лезть в личное пространство.

Она помедлила и дописала, надавив на карандаш сильнее, чем нужно:

Четвёртое. Не говорить о прошлом.

Андрей долго смотрел на последнюю строчку.

— Вообще? — спросил он.

— Вообще.

— И о хорошем тоже?

— Особенно о хорошем.

Он кивнул. Потом протянул руку, забрал у неё карандаш — пальцы на секунду коснулись, и Вера отдёрнула руку, как от горячего, — и написал своим ровным чертёжным почерком:

Пятое.Если кому-то плохо — говорить сразу. А не через два года.

Вера сжала губы.

— Это тоже про прошлое.

— Это про будущие десять дней, — спокойно сказал он. — Тут зима, лёд и печное отопление. Подвернёшь ногу или угоришь — не геройствуй. Скажи.

Она смотрела на его руку, всё ещё лежавшую на бумаге. Рукав свитера сполз к локтю, и на внутренней стороне запястья она увидела то, чего там три года назад не было.

Маленькую тонкую татуировку. Снежинку с неровными лучами — такую, какие рисуют дети. Или какие рисовала она — пальцем, на его спине, в спальне под скатом крыши.

Андрей перехватил её взгляд и медленно опустил рукав.

— Правило номер три, — сказал он. — Личное пространство.

Глава 4

Оказалось, что самое трудное — не ссоры. Самое трудное — мелочи.

То, что он по-прежнему напевал себе под нос, когда чистил картошку. Всегда одну и ту же песню, старую, про траву у дома. То, что он по-прежнему ставил кружку ручкой вправо — военная привычка отца-подводника. То, что он по-прежнему тёр двумя пальцами переносицу, когда думал.

И то, что и она помнила всё это так отчётливо, будто прошло не три года, а три дня.

Вера расположилась на втором этаже, у окна с озером. Разложила краски, налила воды в банку из-под сметаны. Снегирь из её книжки должен был перелетать через замёрзшее озеро — и лучшей натуры нельзя было придумать.

Но работа не шла. Снизу доносились звуки: топор во дворе, стук двери, шаги. Каждый звук выдёргивал её из сосредоточения, как рыбу на крючке. К обеду снегирь получился похожим на надутую красную грушу с короной. Вера скомкала лист.

По очереди готовил сегодня он. Картошка с тушёнкой и луком пахла так, что у неё заворчало в животе ещё на лестнице. Они ели молча, по разные стороны стола. Тишина была такой плотной, что Вера слышала, как тикают его часы.

— Вкусно, — сказала она наконец, потому что молчать стало невыносимо.

— У меня была хорошая учительница.

Она напряглась. Раньше он не умел варить даже пельмени — они у него слипались в один ком. Значит, кто-то научил. Кто-то стоял рядом с ним у плиты и смеялся.

«Правило номер три», — напомнила себе Вера и не спросила.

— Ютуб, — добавил он, будто прочитал её мысли. — Учительницу зовут тётя Люда, ей шестьдесят лет, и она живёт в Вологде.

Вера уткнулась в тарелку, чтобы он не увидел, как дрогнул уголок губ.

К вечеру свет дали — на час. За этот час она успела зарядить телефон и помыть голову, а он — сходить на второй этаж с мотком уплотнителя. Когда Вера вернулась в спальню, старая рама больше не свистела.

Он помнил, что она ненавидит сквозняки. Что у неё от них сразу болит ухо.

Ночью она всё равно замёрзла. Печная труба шла через спальню и грела её, пока внизу горел огонь. К двум часам труба остыла, и Вера лежала под двумя одеялами, подтянув колени к подбородку, и стучала зубами.

Раньше она просто прижалась бы к нему. Он всегда был горячий, как печка. Она называла его «моя грелка», а он жаловался, что у неё не ноги, а сосульки, но всё равно зажимал их между своими.

«Правило номер четыре», — сердито подумала она.

В три часа она сдалась. Закуталась в одеяло, как в кокон, и спустилась вниз — подкинуть дров.

В печи уже гудел огонь. Андрей сидел на полу перед открытой дверцей, в одной футболке, и огонь очерчивал его профиль золотой линией.

— Я так и подумал, — сказал он, не оборачиваясь. — Услышал, как ты ворочаешься. Там пол скрипит, прямо над моей головой.

— И что, ты не спал?

— Не спал.

Она постояла. Потом опустилась на пол рядом — не вплотную, в полуметре. Тепло от огня коснулось лица, и она зажмурилась от удовольствия.

Они сидели так долго. Он подкидывал поленья. Она смотрела на огонь и старалась не смотреть на его руки. На снежинку на запястье.

— Вер, — сказал он вдруг. — У тебя всё хорошо? Ну… вообще. Ты счастлива?

Она могла бы напомнить про правила. Могла бы соврать — легко, как соврала маме, Лизе и психологу на первой встрече.

Но в три часа ночи, перед огнём, врать почему-то не получалось.

— Я спокойна, — сказала она. — Это почти одно и то же.

Он повернул голову и посмотрел на неё так, что у неё перехватило дыхание.

— Нет, — сказал он тихо. — Это совсем не одно и то же.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.